

К. Оберучев

В дни революции

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. Оберучев**
В дни революции / К. Оберучев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 143 с.

ISBN 978-5-458-41844-7

Воспоминания участника великой русской революции 1917-го года.

ISBN 978-5-458-41844-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I. ГОДЫ ИЗГНАНИЯ. -- ВЪ ШВЕЙЦАРІИ И АМЕРИКѢ. — АГОНІЯ СТАРОЙ ВЛАСТИ.

Автору настоящихъ бѣглыхъ воспоминаній пришлось пережить всю красоту революціоннаго періода, видѣть тотъ порывъ, который объялъ всѣхъ въ моментъ переворота, принимать участіе въ попыткахъ строительства новой Россіи и наблюдать, вмѣстѣ съ тѣмъ, то разложеніе демократическихъ силъ, которое началось въ Россіи, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ, и привело, наконецъ, къ временному торжеству анархическаго большевизма, захватившаго въ послѣднее время власть.

Когда я пишу настоящія воспоминанія въ тихомъ и уютномъ уголкѣ безмятежной и незатронутой войной Швеціи, тамъ на моей родинѣ возсталъ братъ на брата, и въ потокахъ крови грозитъ захлебнуться свобода, только что родившаяся въ странѣ и не успѣвшая еще окрѣпнуть.

За послѣдніе восемь мѣсяцевъ жизни пришлось такъ много пережить, перечувствовать и передумать, что просто трудно остановиться мыслію на какомъ либо эпизодѣ, какой либо детали, чтобы освѣтить жизнь надлежащимъ образомъ, безъ риска запутаться, и вмѣсто правдивой картины жизни дать эскизъ въ неправильномъ освѣщеніи.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ я буду излагать только то, свидѣтелемъ или участникомъ чего я былъ самъ. Пусть, благодаря этому, сузится кругъ моихъ наблюденій и читатели вмѣсто полной картины россійской революціи во всемъ ея огромномъ масштабѣ получаютъ только одинъ уголокъ этой мятежной жизни, но за то я могу имъ гарантировать, что рассказана и показана имъ будетъ правда жизни этого небольшого уголка.

Таковы мои обѣщанія и таково мое искреннее желаніе.

Необходимое предупрежденіе. Я случайно остановился въ Швеціи, возвращаясь съ копенгагенской конференціи по вопросу объ обмѣнѣ военноплѣнными и улучшеніи ихъ быта. Ъхалъ я съ товарищами по делегаціи послѣ продолжительныхъ бесѣдъ съ представителями нашихъ противниковъ, во время которыхъ выяснилось желаніе всѣхъ сдѣлать возможно больше блага для этихъ несчастныхъ жертвъ войны. Ъхали мы съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Россію, чтобы тамъ до-

биться отъ Временнаго Правительства скорѣйшаго утвержденія нашихъ соглашеній и скорѣе провести ихъ въ жизнь и облегчить тѣмъ самымъ участь обездоленныхъ.

Но не удалось намъ это. Въ столицѣ Россіи группа лицъ совершила переворотъ. Правительство, поставленное революціей, и ведущее народъ и страну къ Учредительному Собранію, оказалось свергнутымъ, и намъ некому докладывать, не отъ кого получать санкціи на осуществленіе того, надъ чѣмъ всѣ мы работали съ вѣрой въ полезность нашей работы и надеждой на самое скорое проведеніе ея въ жизнь.

Послѣ этихъ необходимыхъ замѣчаній я позволю себѣ приступить къ разсказу.

Но прежде, чѣмъ начать повѣствованіе о красотѣ раскрывшейся передъ народами Россіи жизни, мнѣ нужно остановиться нѣсколько на періодѣ, непосредственно предшествовавшемъ революціи, на годахъ моего невольнаго отсутствія изъ страны именно въ то время, когда тамъ назрѣвали и подготавливались великія событія.

Это время, годы войны, я провелъ въ изгнаніи.

О нихъ пишу я не для того, чтобы знакомить читателей съ моей біографіей. Нѣтъ, это необходимо для того, чтобы многое изъ пережитаго мною во время революціи стало яснѣе читателямъ, не знакомымъ съ обычными условіями жизни россіянъ.

Я вспоминаю свои юные годы. Еще мальчикомъ я заинтересовался нѣкоторыми явленіями общественной жизни и зналъ имена революціонныхъ дѣятелей того времени. Это было время такъ называемаго движенія въ народъ, охватившаго широкіе круги русской интеллигенціи. Молодежь, полная вѣры въ то, что нашъ народъ, живущій въ общинѣ, полонъ социалистическихъ настроеній, пошла въ деревню съ проповѣдью социализма и призывомъ къ иному устройству жизни, на новыхъ началахъ, такъ хорошо знакомыхъ народу, но еще не оформившихся въ его сознаніи. Имена этихъ глубоко преданныхъ интересамъ народа людей сохранились въ моей памяти съ дѣтскихъ лѣтъ, и я былъ счастливъ встрѣтиться съ этими свѣточами русской революціи, дожившими до настоящихъ дней и принесшими на склонѣ дней своихъ на алтарь революціи всю свою вѣру въ торжество правды на землѣ.

Къ юношескимъ годамъ моимъ, къ тому возрасту, когда особенно открывается умъ и сердце на все свѣтлое, мечтатели пародники-соціалисты были разгромлены и на развалинахъ ихъ организацій народи-

лась одна, чисто политическая партія — “Народная Воля”, — дѣятели которой, хотя и исповѣдывали социализмъ, но считали необходимымъ вести съ правительствомъ борьбу прежде всего за политическую свободу родного народа, за созданіе въ странѣ такихъ условій, при которыхъ возможно свободное развитіе народа.

Однимъ изъ методовъ борьбы, предлагавшихся дѣятелями этой партіи, былъ захватъ власти путемъ вооруженнаго возстанія и привлеченія къ этому войска, для чего въ войскѣ, среди, главнымъ образомъ, офицеровъ велась усиленная пропаганда и создавалась специально военная революціонная организація. Наибольшее развитіе эта отрасль дѣятельности получила въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, послѣ 1 марта 1881 года. Но въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, усердіемъ предателя Дегаева военнореволюціонная организація провалилась и среди офицерства произведены были крупные аресты. Послѣ этого процессъ слѣдовалъ за процессомъ, и во второй половинѣ этого десятилѣтія отъ военно-революціонныхъ организацій “Народной Воли” ничего не осталось.

Идеями и методами борьбы “Народной Воли” я интересовался съ юныхъ лѣтъ. Во время же разгрома “Народной Воли” я былъ уже офицеромъ въ Артиллерійской Академіи, и здѣсь намъ, нѣсколькимъ товарищамъ, пришла мысль возродить военную организацію. Это было въ 1888 году, а въ 1889 году мы всѣ уже были арестованы и посажены въ Петропавловскую крѣпость.

Не буду описывать интересныхъ переживаній въ этой знаменитой тюрьмѣ. Не въ этомъ сейчасъ дѣло. Послѣ болѣе чѣмъ полугодового сидѣнія всѣхъ насъ безъ суда разослали по отдаленнымъ округамъ подъ надзоръ полиціи и начальства. На мою долю выпалъ Туркестанскій край, гдѣ я и провелъ около десяти лѣтъ жизни въ постоянныхъ скитаніяхъ съ одного мѣста на другое.

Наступилъ 1905 годъ, годъ революціи. Я былъ тогда въ Киевѣ, гдѣ благодаря нѣкоторымъ политическимъ выступленіямъ (я примыкалъ тогда къ социалистамъ-революціонерамъ) разошелся съ генераломъ Сухомлиновымъ во взглядахъ на текущій моментъ и мнѣ вновь пришлось прокатиться въ Туркестанъ; но теперь я ѣхалъ уже съ опредѣленнымъ готовымъ рѣшеніемъ покончить съ военной службой: начиналась полоса реакціи и слишкомъ много компромиссовъ она требовала отъ офицера, особенно штабъ-офицера, каковымъ я былъ въ то время. И послѣ полугодовыхъ скитаній по ширямъ и высямъ Туркестана (за полгода я проѣздилъ свыше сорока тысячъ верстъ) вы-

шелъ въ 1907 году въ отставку, чтобы отдаться любимому литературному труду, которымъ занимался еще будучи на службѣ.

Здѣсь, конечно, жандармы и полиція не оставляли меня своимъ милостивымъ вниманіемъ, и когда въ 1909 году въ частяхъ корпуса, гдѣ я въ 1904 году командовалъ батареей, были произведены аресты и создавалось дѣло о военнореволюціонной организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ, жандармы вспомнили меня и привлекли къ суду. Судъ въ 1910 году оправдалъ меня, военный судъ, судившій по законамъ военного времени съ угрозой смертной казни, и это лишило возможности чиновника департамента полиціи, ведшаго слѣдствіе, добиться высылки меня въ административномъ порядкѣ, что онъ обѣщалъ во время слѣдствія. Правда, что не удалось ему въ то время, онъ успѣлъ исполнить въ недалекомъ будущемъ. Въ поискахъ работы я пріѣхалъ въ концѣ 1913 года въ Петроградъ и тутъ, благодаря усиленному вниманію охраннаго отдѣленія, былъ вновь арестованъ, а точившій на меня зубы чиновникъ департамента полиціи сумѣлъ мое “дѣло” представить въ такомъ видѣ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Н. А. Маклаковъ, рѣшилъ выслать меня административно, назначивъ мѣстомъ ссылки Олонецкую губернію, ея сѣверный Повѣнецкій уѣздъ. Затѣмъ эта мѣра была измѣнена въ смыслѣ предоставленія мнѣ права выѣхать на три года за границу, безъ права возвращенія въ Россію до января 1917 года.

Въ началѣ 1914 года я выѣхалъ изъ Кіева въ направленіи къ Швейцаріи.

Эту маленькую страну я выбралъ для постоянного невольнаго пребыванія потому, что мнѣ представлялась она страной свободной, гдѣ многому можно поучиться. Къ тому же меня манила природа ея: я такъ полюбилъ горы и прогулки въ горахъ, когда былъ въ Туркестанѣ!

Русская граница у Александрово. Суровый допросъ жандармскаго офицера. Тутъ же вручаютъ мнѣ заграничный паспортъ, и я уже въ Германіи. На станціи Торнъ мой документъ почему то обратилъ вниманіе германскаго жандарма и въ то время, какъ всѣмъ моимъ спутникамъ были возвращены паспорта тутъ же въ вагонѣ, меня потребовали на станцію и тамъ долго не хотѣли меня отпустить. Ихъ вниманіе было привлечено моимъ чиномъ. Дѣло въ томъ, что слова “отставной полковникъ” на нѣмецкомъ языкѣ были переведены просто “оберствъ”, и, повидимому, именно это обстоятельство, что къ нимъ въ февралѣ мѣсяцѣ ѣдетъ зачѣмъ то русскій “оберствъ”, и привлекло

вниманіе пограничныхъ жандармовъ. Послѣ долгихъ переговоровъ и настойчивыхъ указаній, что я “отставной полковникъ”, пришли мы, наконецъ, къ благополучному разрѣшенію вопроса, и пропускной штемпель былъ, наконецъ, поставленъ на моемъ паспортѣ.

Короткая, на нѣсколько дней, остановка въ Берлинѣ, и вотъ я въ Швейцаріи, которая такъ манила меня своей чарующей красотой.

Ѣхалъ я въ Швейцарію съ тѣмъ, чтобы годами ссылки воспользоваться для всесторонняго ознакомленія съ жизнью этой маленькой, но чрезвычайно интересовавшей меня республики. Я хотѣлъ погрузиться во всѣ детали жизни ея. Какъ социалистъ и сторонникъ уничтоженія регулярныхъ армій и созданія милиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ военный специалистъ, я началъ свое ознакомленіе съ военнаго дѣла и оригинальной постановки его въ Швейцаріи.

Мои русскіе друзья дали мнѣ возможность подойти вплотную къ военному дѣлу и арміи въ Швейцаріи. Вскорѣ послѣ пріѣзда, я уже посѣщалъ школу рекрутъ пѣхоты въ Лозаннѣ, а также и ѣздилъ на занятія въ школу рекрутъ артиллеріи.

Полны интереса были эти наблюденія, и тутъ то я на практикѣ убѣдился, что требованія социалистовъ о введеніи милиціонной системы организаціи вооруженныхъ силъ страны не являются угрозой для ея существованія; нѣтъ, милиція — это реальная сила, достаточная для обороны, мощная.

Здѣсь не мѣсто говорить объ организаціи милиціи и ея значенія, какъ вооруженной силы; но я не могу обойти молчаніемъ одинъ весьма любопытный эпизодъ.

Я былъ на стрѣльбѣ артиллерійской школы рекрутъ въ Біерѣ. Это была всего четвертая недѣля обученія только что начавшихъ изучать военное дѣло рекрутъ. Тутъ же въ числѣ присутствовавшихъ оказался пѣхотный офицеръ подполковникъ одного изъ французскихъ полковъ, расположенныхъ по ту сторону Лемана, въ Савойяхъ. Само собою разумѣется, мы заговорили съ нимъ по жгучему тогда для французской арміи вопросу о двухъ и трехлѣтнихъ срокахъ службы.

Онъ сразу отрекомендовался мнѣ сторонникомъ трехлѣтней службы; я не скрылъ отъ него, что я склоняюсь къ двухлѣтней, если почему либо нельзя прямо перейти къ милиціонной системѣ, т. е. такой, при которой отъ гражданина, обязаннаго защищать родину, требуется минимумъ затраты времени и силъ для подготовки къ этой тяжелой и вмѣстѣ съ тѣмъ почетной обязанности.

Началась стрѣльба. Батарея, послѣ мѣсячной всего подготовки

рекрутъ и управляемая офицеромъ милиціи, въ обычной жизни народнымъ учителемъ, стрѣляла превосходно. Когда, послѣ окончанія стрѣльбы, начальникъ школы пошелъ на батарею для разбора и замѣчаній, мы съ подполковникомъ, по понятной скромности, остались въ сторонѣ и тутъ дѣлились впечатлѣніями. Онъ, какъ и я, былъ пораженъ видѣннымъ; но когда я ему указалъ на это, какъ на доказательство, что длинные сроки службы для дѣйствительной подготовки войскъ не нужны, онъ отвѣтилъ обычной въ такихъ случаяхъ фразой: “Да въ Швейцаріи это возможно, а во Франціи нѣтъ”.

Но это между прочимъ.

Я усердно посѣщалъ школы рекрутъ, бывалъ на провѣрочныхъ мобилизаціяхъ нѣкоторыхъ частей войскъ, бывалъ на маневрахъ, и всегда выносилъ впечатлѣніе, что швейцарцы сумѣли создать свою сильную для обороны страны армію съ минимумомъ отягощенія для этой цѣли гражданъ. Правда, та интенсивность работы, которую мнѣ пришлось наблюдать въ швейцарскихъ школахъ рекрутъ, не можетъ сравниться съ бесполезной растратой времени при продолжительныхъ срокахъ службы въ Россіи и, думаю, въ другихъ странахъ, гдѣ существуютъ регулярныя казарменныя арміи.

Я хотѣлъ пройти всѣ курсы швейцарской арміи, что бы возвратившись въ Россію имѣть право говорить о милиціи, какъ вооруженной силѣ, не только въ силу партійной программы и требованія социалистическихъ группъ и книжнаго знакомства съ нею, но и на основаніи непосредственнаго знакомства съ постановкой дѣла обученія, организациі, снабженія и т. п. той силы, которая называется народной милиціей.

Я хотѣлъ въ совершенствѣ изучить эту силу, чтобы явиться проводникомъ ея въ русской жизни, какъ только явится къ тому возможность, а въ близость этой возможности я вѣры не терялъ, несмотря на мрачные дни реакціи, которые переживала тогда моя страна.

Но случилось нѣчто, что прервало мои наблюденія. 1 августа разгорѣлся въ Европѣ военный пожаръ, и мирная и покойная жизнь той маленькой страны, въ которой я нашелъ гостепріимный кровъ, какъ изгнанникъ изъ родины, была нарушена.

Я помню первые тревожные дни, когда не былъ еще рѣшенъ вопросъ, куда Германія направить свои полчища — на Бельгію или на Швейцарію. Двумъ нейтральнымъ странамъ угрожала непосредственная опасность. И если послѣ нѣкотораго колебанія Вильгельмъ направилъ свои войска на Бельгію, то въ этомъ отношеніи сыграло

роль не только то обстоятельство, что Бельгія является для Германіи хорошимъ плацдармомъ для разворачиванія своихъ силъ противъ Франціи и Англіи, но еще и то, что за два года до войны императоръ Вильгельмъ былъ на маневрахъ и въ Бельгіи и въ Швейцаріи, и ознакомился съ арміями той и другой страны, и призналъ большую силу сопротивленія швейцарской милиціи.

Я этимъ отнюдь не хочу сказать что-нибудь скверное относительно бельгійской арміи. Нѣтъ, проживъ въ Бельгіи за годъ до войны почти цѣлый годъ, я успѣлъ полюбить эту страну, и когда ее разрушали мнѣ было особенно больно, ибо съ каждымъ новымъ именемъ разрушеннаго города у меня было связано много личныхъ воспоминаній. Что же касается арміи, то ея героическое поведеніе во время войны заслуживаетъ только уваженія и восторга. Но, вѣдь, это была регулярная армія, своими кадрами связанная съ опредѣленными гарнизонами, а вслѣдствіе этого не столь подвижная и быстро и легко мобилизуемая, какъ швейцарская милиція. Кромѣ того, въ 1912 году императоръ Вильгельмъ былъ на маневрахъ въ Бельгіи и наблюдалъ осаду Льежа, при чемъ отъ него и его штаба не было скрыто ничего. А въ штабѣ Вильгельма находился... тотъ самый генералъ Эммихъ, который командовалъ войсками, направленными противъ Льежа: онъ зналъ крѣпость не хуже, чѣмъ ея защитники.

Но возвратимся къ Швейцаріи.

Какъ только вспыхнула война, Швейцаріи пришлось мобилизовать всѣ свои силы, и она оцетинилась тысячами штыковъ противъ возможныхъ противниковъ. По понятной скромности, какъ только была объявлена военная мобилизація, я немедленно отошелъ отъ швейцарской арміи и больше къ ней не подходилъ.

Какъ только вспыхнула война, естественно пришлось отойти отъ наблюденія обычной швейцарской жизни, такъ какъ вмѣстѣ съ войной явилась забота о своихъ русскихъ, оказавшихся въ тяжеломъ положеніи, вслѣдствіе войны; въ дальнѣйшемъ пришлось удѣлить много вниманія нашимъ военноплѣннымъ, этимъ жертвамъ войны, нуждавшимся въ помощи и вниманіи изъ-заграницы, тѣмъ болѣе, что старое правительство смотрѣло на плѣнныхъ, какъ на измѣнниковъ, и первое время совершенно не разрѣшало въ Россіи помогать имъ.

И вотъ, въ процессѣ работы помощи нашимъ соотечественникамъ мнѣ пришлось наблюдать ту великую гуманитарную роль, которую играла Швейцарія во время войны съ самаго начала и до настоящаго времени.

Достаточно сказать, что международное бюро розыска военнопленных, обслуживаемое болѣе чѣмъ двумя тысячами швейцарскихъ гражданъ и гражданокъ, работающими совершенно безвозмездно, дало успокоеніе многимъ и многимъ тысячамъ обитателей воюющихъ странъ и оказало помощь и поддержку пленнымъ. Укажу на дѣятельность швейцарской почты, обслуживающей пленныхъ и ихъ родственниковъ, пересылая всю ихъ корреспонденцію, — миллионы писемъ, переводовъ и посылокъ, — совершенно бесплатно. Государство при этомъ несетъ огромные убытки, и почтово-телеграфное вѣдомство, дававшее въ былое время доходъ государству, въ годы войны приноситъ дефицитъ и постоянно требуетъ все новыхъ и новыхъ ассигнованій.

Вспоминаю съ благодарной памятью и муниципалитетъ города Лозанны, который съ первыхъ дней войны пришелъ на помощь россиянамъ тѣмъ, что далъ въ распоряженіе комитета помощи семь квартиръ, которыя были омеблированы добродетельными пожертвованіями швейцарцевъ, и дали возможность приютить нуждающихся въ такомъ приютѣ россиянъ, прибывшихъ изъ Германіи и Австріи въ первые дни войны. И много, много вспоминается мнѣ случаевъ проявленія лучшихъ чувствъ со стороны швейцарцевъ къ пострадавшему человечеству, и благодарная память объ этомъ періодѣ пребыванія моего въ Швейцаріи сохранится на долгіе годы.

Безпристрастный историкъ своевременно разберетъ и опѣнитъ этотъ періодъ жизни швейцарскаго народа и его лучшихъ порывовъ, а я перейду къ дальнѣйшему разсказу.

Война началась, и я, профессиональ-военный, хотя и отставной, считалъ своимъ долгомъ запросить военныя власти въ Россіи, нужны ли мои скромныя силы и знанія въ настоящее трудное время, переживаемое моей родиной. И запросилъ, не скрывъ при этомъ, что я административно высланный и не имѣю права вѣзда въ Россію до половины января 1917 года. Возрастъ мой былъ таковъ, что службой я былъ обязанъ, а состояніе здоровья не оставляло желать ничего лучшаго.

И тѣмъ не менѣе русскія военныя власти не нашли возможнымъ допустить меня къ участию въ защитѣ родины на поляхъ сраженія, хотя имъ не безызвѣстно было, что даже будучи въ отставкѣ, я продолжалъ работать по военнымъ вопросамъ, и статьи мои о стрѣльбѣ артиллеріи регулярно печатались въ офиціальномъ журналѣ артиллерійскаго вѣдомства, даже въ годы войны.

Но таковъ былъ страхъ стараго правительства передъ призракомъ революціи.

Рядомъ съ дѣломъ помощи нуждающимся росіянамъ и военно-плѣннымъ въ русской колоніи Швейцаріи шла и другая жизнь. Надо сказать, что значительный контингентъ росіянъ, живущихъ въ Швейцаріи, составляютъ русскіе эмигранты, волею судебъ и изволеніемъ начальства, пребывающіе въ теплыхъ и гостеприимныхъ странахъ Запада, въ частности и въ Швейцаріи. Война увеличила эту колонію пришельцами изъ Германіи и Австріи, успѣвшими убраться отсюда и перекочевавшими въ Швейцарію.

Интересъ къ текущимъ событіямъ и войнѣ оживилъ эмигрантскіе круги, и началась полоса рефератовъ. Тутъ то мнѣ пришлось вплотную столкнуться съ тѣми людьми, которые въ настоящую тяжелую пору Россіи являются главнѣйшими ея дѣятелями, ведущими только что народившуюся російскую республику по пути, если не къ гибели, то къ неизвѣстности.

Однимъ изъ первыхъ референтовъ былъ Ленинъ.

Въ половинѣ августа въ залѣ № 6 лозанскаго народнаго дома, скромномъ залѣ, былъ назначенъ рефератъ Ленина — о причинахъ войны.

Интересуясь не только темой, но и самимъ лекторомъ, котораго я не видалъ ни разу, я, конечно, въ назначенное время былъ уже на мѣстѣ. Нужды нѣтъ, что мы, русскіе, привыкли всегда опаздывать и не жалѣть ни своего, ни чужого времени. Я все же въ срокъ былъ у дверей зала № 6.

Долго пришлось прождать.

Наконецъ, начался рефератъ.

Предо мной Ленинъ, тотъ Ленинъ, о которомъ его почитатели отзывались съ такой похвалою, восторгомъ и особымъ почитаніемъ...

Видѣннымъ видомъ я не былъ удовлетворенъ. Не было ни интеллигентности въ лицѣ, ни того энтузіазма въ рѣчи, который невольно заражаетъ и внушаетъ особое довѣріе къ словамъ пророка.

Онъ началъ докладъ съ оцѣнки имперіалистическихъ устремленій всѣхъ воюющихъ державъ, причемъ всѣхъ рѣшительно подводилъ подъ общій шаблонъ: и развитую экономически Германію, страдавшую отъ фабричнаго перепроизводства и отсутствія рынковъ, уже захваченныхъ другими, раѣе ея пришедшими на арену исторіи и успѣвшими раздѣлить новый міръ, и Россію, экономически отсталую

какъ въ области производства, добыванія сырья, такъ и въ сферѣ переработки его.

Всѣ онѣ, по мнѣнію лидера большевиковъ, вошли въ империалистическую фазу капиталистическаго періода и, какъ таковыя, всѣ одинаково отвѣтственны за настоящую войну, и всѣ имѣютъ одинаковыя устремленія. Это онѣ объяснилъ въ теченіе первыхъ пятнадцати минутъ своей лекціи, а затѣмъ въ различныхъ вариантахъ повторялъ ту же мысль. Мнѣ стало скучно, но я не ушелъ послѣ перерыва, а остался дослушать до конца. Закончилъ онѣ указаніемъ на то, что міръ уже созрѣлъ для социальной революціи, и стоитъ только русскимъ социалистамъ начать борьбу со своими капиталистами и повернуть противъ нихъ свои штыки, какъ социалисты всѣхъ странъ сдѣлаютъ немедленно то же самое. Таково было его убѣжденіе, мнѣ казалось, искреннее. Онѣ не позировалъ, онѣ говорилъ то, что думалъ.

Меня поразило слишкомъ упрощенное міросозерцаніе этого лидера политической партіи, которой придавали большое значеніе. И я объяснилъ это тѣмъ, что предо мной былъ человѣкъ ограниченный, не понявшій и не желающій понять всей сложности современной жизни, всѣхъ нюансовъ и отбѣнковъ ея, а отдѣлившій для себя только одинъ уголокъ ея, — область элементарныхъ экономическихъ отношеній, — и подмѣнившій имъ всю жизнь во всей ея совокупности. Принявъ часть вмѣсто цѣлаго, онѣ упростилъ, конечно, свое отношеніе къ жизни, и, благодаря этому, выводы его теоріи производили впечатлѣнія чего то стройнаго, яснаго и понятнаго, что обезпечивало его формуламъ быть понятными и воспринятыми самыми широкими массами и массами наиболѣе некультурными. Въ этомъ, мнѣ кажется, залогъ успѣха его тамъ, гдѣ не привыкли принимать жизнь во всей ея сложности и упрощенныя формулы дають какъ бы ключъ къ разрѣшенію всѣхъ жизненныхъ проблемъ.

Таковъ былъ Ленинъ, какъ онѣ представился мнѣ при первой встрѣчѣ съ нимъ.

Еще сильнѣе мое мнѣніе укрѣпилось, когда уже примѣрно года черезъ полтора я въ томъ же залѣ № 6 слышалъ его докладъ объ отношеніи къ войнѣ социалистовъ разныхъ странъ. Это было время страстной полемики между такъ называемыми социаль-патріотами и такъ называемыми социаль-интернаціоналистами. Я слѣдилъ за этой борьбой въ процессѣ ея развитія, и на собраніяхъ и митингахъ, и по заграничной печати, и для меня не была новой точка зрѣнія Ленина. Но рефератъ, который онѣ прочиталъ на эту тему, былъ до нельзя